

УДК 82-6

Сергей Борисович Борисов
г. Шадринск

Девические послания незнакомым военнослужащим в армию как феномен российской жизни 1940-1990-х гг.

В статье рассказывается о малоизученном коммуникативно-эпистолярном феномене – сложившейся в девической среде предположительно в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. практике отправлять в действующую армию вложенные в посылку письма или фотографии, адресованные незнакомому военнослужащему. Автор утверждает, что во время войны в качестве отличительного признака адресата указывалось либо какое-либо имя («Николаю»), либо позитивно оцениваемое в военных условиях качество – «самому смелому», «самому храброму бойцу», «самому отважному воину», «герою-артиллеристу». В статье сообщается также, что обычай писать письма в армию перешёл и в мирное время, адресат стал обозначаться иначе: «первому попавшему», «счастливому солдату», «счастливому незнакомцу». Данный способ завязывания знакомства просуществовал в девической среде, как доказывает автор, опираясь на доступные ему рукописные документы, как минимум, до 1990-х гг.

Ключевые слова: девические эпистолярные практики периода Великой Отечественной войны, письма и посылки на фронт, письма в армию, письмо незнакомому военнослужащему, почтово-эпистолярные способы знакомства.

Sergey Borisovich Borisov
Shadrinsk

Maiden messages to unknown soldiers in the army as a phenomenon of Russian life in the 1940s-1990s.

The article describes a little-studied communicative-epistolary phenomenon-the practice of sending letters or photos enclosed in a parcel addressed to an unfamiliar soldier to the army, which was formed in the girl's environment, presumably during the Great Patriotic War of 1941-1945. The author claims that during the war, as a distinctive feature of the addressee, either a name ("Nicholas") was indicated, or a quality positively assessed in military conditions-"the bravest", "the bravest soldier", "the most courageous warrior", "hero – gunner". The article also reports that the custom of writing letters to the army passed in peacetime, the addressee began to be designated differently: "to the first person", "to the happy soldier", "to the happy stranger". This method of making acquaintances existed in the girl's environment, as the author proves, based on the handwritten documents available to him, at least until the 1990s.

Keywords: maiden epistolary practices of the period of the Great Patriotic War, letters and parcels to the front, letters to the army, a letter to an unknown serviceman, postal-epistolary methods of acquaintance.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в действующую армию из тыловых областей направлялись коллективные и индивидуальные письма и посылки.

Шадринская газета «Путь к коммуне» от 10 июля 1941 г. сообщала: «Учащиеся седьмого класса школы № 32 вместе с учащимися железнодорожного училища № 1 написали письмо бойцам Н-ской части, в которой они передали им свой горячий привет и пожелание беспощадно разгромить врага. Недавно ребята получили от бойцов этой части ответ...»

В первые месяцы войны от школьников г. Шадринска Челябинской области на фронт было отправлено более четырёх сотен посылок с тёплыми вещами» [4, С. 42]. В шадринской газете «Путь к коммуне» от 12 апреля 1942 года сообщалось: «Ученики 1 класса 4-й городской школы принесли в горком партии коллективную посылку. "Наш подарок – мыло, зубные щетки, носовые платки, воротнички, кисеты, сшитые нами, – просим послать на фронт", – заявили они». Начиная с ноября 1942 года, школы г. Шадринска «в течение всех военных лет» «отправляли посылки с одеждой, обувью в освобожденные от немецких захватчиков районы» [4, С. 42].

Отправка посылок с вещами на фронт часто велась одновременно (параллельно) с перепиской. В машинописном отчёте о деятельности Шадринского учительского института за 1939-1944 гг. сообщалось: «Неоднократно посылались подарки для бойцов Красной Армии: валенки, меховые полушубки, шапки, тёплые рубашки, нательное белье, одеяла, ватные куртки, бритвенные приборы, бумага, платки, кисеты и многое другое; посылались и индивидуальные посылки (вино, печенье, колбаса и т.д.). Наши студенты вели длительную переписку с бойцами-фронтовиками».

Письма, вложенные в коллективные посылки, имели, по всей видимости, преимущественно официальный, военно-патриотический характер. Письма же, вложенные в индивидуально собранные посылки, могли носить и более личный характер. Так, ученица третьего класса Тамара из начальной школы № 3 г. Шадринска Челябинской области вложила в посылку письмо: «Дорогой товарищ боец! С Новым годом! С новыми победами! Кушайте на здоровье всё, что я вам посылаю. Мой папа тоже на фронте. Разгромляйте скорее врага и возвращайтесь с победой». А второклассник Артур Лапидо из этой же школы

писал: «Отомстите за моего отца, убитого в Минске, за маму и двух сестёр, погибших на границе» [4, С. 42].

Понятно, что письма, вкладывавшиеся в коллективные посылки предприятий, колхозов, учреждений, так и в индивидуальные посылки учащихся, не имели какого-то «межличностного» оттенка. Когда же индивидуальные почтовые отправления на фронт исходили от девушек, то и содержание вложенных в посылки или просто в конверты писем *volens-nolens* приобретало любовно-романический подтекст.

В опубликованном в 1942 году в массовом журнале стихотворении «Подарок» Виктора Вармута (под фамилией автора – пометка: «Действующая армия») речь идёт о девушке, выражающей в приложенном к посылке письме желание познакомиться с красноармейцем:

Я не знаю, кто мне в часть послал
Очень подходящие вещицы:
Папиросы «Беломорканал»
И из чистой шерсти рукавицы.

В них письмо. По смыслу – из села.
Пишет: «Познакомиться приятно»
Только надпись смазана была
И написан адрес непонятно... [1]

В этом стихотворении не указывается, как был обозначен адресат посылки. Как представляется, обозначение адресата почтовых отправок неизвестным бойцам от девушек можно разделить на две основные группы.

Первая: в качестве отличительного признака адресата указывалось некое конкретное имя (или совокупность вариантов).

В том же 1942 году было опубликовано стихотворение С. Смирнова «Письмо»:

Как такое вышло – сам не знаю.
К нам на фронт пришло письмо одно,
На конверте надпись: «Николаю»
«Ой, не мне ли, – думаю, – оно?»
.....

Рву конверт, и что же я читаю
Под горячий орудийный лай:
«Я вас не видала и не знаю,
Дорогой товарищ Николай.
Но желаю вам везде и всюду
Бить врага... И я убеждена,
Что встречать вас, как родного буду
В день, когда закончится война.
Шлю привет...»

А дальше подпись: «Маня»
Ну и вот, товарищи мои.
Я письмо ее ношу в кармане
Через все атаки и бои.

И врагу пощады не давая,
Повторяю, будто невзначай:

«Я вас не видала и не знаю,
Дорогой товарищ Николай...»

Я от старых писем независим.
Но письма такого не сомну.
Девушки, пишите больше писем
Всем бойцам, ушедшим на войну.
[8, С. 4-5]

В обозначенной точками части стихотворения рассказывается об усилиях, которые предпринял лирический герой стихотворения, чтобы письмо из всех имевшихся в части Николаев пошло именно ему. Обратим также внимание на прямой призыв к девушкам писать подобного рода письма бойцам на фронт.

На эту же тему в 1942 году была написана песня «Всё равно» (автор слов Цезарь Солодарь, автор музыки – Юрий Милютин):

Принесли мне в землянку посылку...
Адрес краткий на пакете,
Там написано одно:
Или Феде, или Пете, или Мите –
Всё равно, всё равно.

Я ни тот, ни другой и не третий,
Но принять посылку рад...

Чтоб отпраздновать вместе победу,
Повидаться нужно нам.
Обязательно к вам я приеду,
Но куда, не знаю сам.
Где же нашему знакомству
Продолжаться суждено?
Или в Омске, или в Томске, или в Туле –
Всё равно, всё равно.

Подтверждением того, что эта песня была популярная (и, стало быть, её содержание опиралось на хорошо известные слушателям и исполнителям реалии) может служить альбом 1926 года рождения, записи в котором помечены сентябрем-октябрем 1946 года и аббревиатурой «ЧВАКУШ». Аббревиатура эта хорошо известна советским и российским военным лётчикам. Более привычное её написание «ЧВВАКУШ» и расшифровывается она как «Челябинское высшее военное авиационное Краснознамённое училище штурманов». Училище было создано в 1936 году. Таким образом, автором записей первого послевоенного года был курсант военного училища, то есть человек, значительную часть информации получавший от недавно воевавших людей. В числе записей – песня «Всё равно».

Во втором случае в качестве отличительного признака адресата указывалось некое общественно одобряемое личное качество бойца.

«Работникам полевой почты много раз приходилось обнаруживать среди обильной корреспонденции письма с короткими любопытными адресами: «На фронт. Самому

храброму бойцу». Или: «На фронт. Вручить самому отважному воину». Десятки таких писем были направлены пехотинцам, артиллеристам, саперам, минометчикам, бронебойщикам, зенитчикам, связистам» [5, С. 449-450].

Обратимся к рассказу Валентина Катаева «Фотографическая карточка», опубликованному в 1942 году (то есть прошедшему военную цензуру, что повышает его достоверность). Рассказ содержит важное свидетельство-обобщение: «Обычно каждая девушка вкладывает в свой пакетик письмо неизвестному бойцу», также в рассказе также содержится описание механизма установления заочной коммуникации девушки и бойца действующей армии:

«Постараюсь передать как можно короче историю, которую рассказал инженер.

Назовем девушку Клавой. Месяцев десять тому назад она работала в госпитале, регистраторшей в канцелярии. Однажды она послала на фронт посылочку. Это был обычный пакетик: с варежками, куском туалетного мыла, с пачкой папирос, с платочком и множеством других трогательных, но весьма полезных мелочишек. Обычно каждая девушка вкладывает в свой пакетик письмо неизвестному бойцу. Она сообщает свое имя и свой адрес. Но Клава не была мастерица писать письма. Она начинала писать несколько раз, но ни одно письмо не удовлетворило ее... Она разорвала все варианты, взяла свою фотографическую карточку и на обороте её написала всего два слова: “Самому храброму”. И больше ничего. Ни подписи, ни адреса.

Посылка была получена в одном из отрядов морской пехоты... Командир показал карточку красивой девушки своим морячкам.

– Вот что, товарищи, – сказал он... – получена посылка. В письме карточка девушки. На карточке написано два слова: “Самому храброму”. Кто должен получить посылку и карточку?

– Самый храбрый, – хором ответили морячки.

– Присоединяюсь, – сказал командир. – Самый храбрый, два шага вперед!

Но никто из ребят не двинулся с места. Они все были храбрые, но никто не был хвастлив.

– Я так и думал, – сказал командир. – Сегодня мы идем в атаку. Самый храбрый получит карточку и посылочку».

Герой рассказа забросал гранатами неприятельскую батарею, был представлен к боевому ордену и получил из рук командира заветную карточку. И вот однажды, регистрируя личные вещи, принятые у раненых, Клава увидела свою фотокарточку, пробитую пулей и окровавленную. Девушка кинулась к начальнику госпиталя и упросила разрешить ей «перейти сиделкой в палату, где лежал её “самый храбрый”...» [6, С. 389-390].

Таких совпадений, вероятно, были (если вообще были) единицы. Но такие единичные случаи обобщались и закреплялись устными

рассказами, обретая характер «фронтной быти», а через фольклоризацию переходили в печать – обратим внимание на то обстоятельство, что В. Катаев в самом начале повествования указывает, что излагает «рассказ инженера», как бы снимая с себя ответственность за подлинность столь маловероятных совпадений.

В стихотворении С. Васильева 1942 году «Подарок» (речь идёт о кисете) нет прямого указания адресата как «самого храброго», эта характеристика бойца «укрыта» (в императивном наклонении) в содержание письма:

Я ночей не досыпала...
Кто получит – не гадала –
Вышивной подарок мой.
Только я ему писала:
«Будь героем, дорогой!»... [2]

В 1943 году в стихотворении Степана Щипачева, опубликованном в журнале «Огонёк», также указывается на необходимость передать посылаемую карточку «самому смелому»:

... В записке девушка писала:
«Отдайте карточку мою
Тому, кто всех смелей в бою...» [9, С. 6].

А сюжет снятого в 1944 году и более полувека сохранявшего популярность фильма «В шесть часов вечера после войны» (автор сценария – В.М. Гусев) непосредственно восходит к жанру писем на фронт с адресацией «храброму воину»: двум бойцам вручают посылку с надписью «героям-артиллеристам». Посылка содержит письмо от девушки с приглашением в гости. Герои фильма пользуются приглашением, так завязывается «любовно-военная» интрига фильма.

В романе В. Дюбина «Алёнка», опубликованном в 1965 году, также присутствует сюжетная линия, освещающая психологическую роль для бойцов писем, полученных от девушек с пометкой «храброму воину».

Попавший в госпиталь тяжелораненый боец обращается к медсестре:

« – Сестрица... в левом кармане гимнастерки... фотокарточка в конверте...

Ирина вынула из нагрудного кармана конверт, извлекла из него фотокарточку с милостивым девичьим лицом... На уголке карточки наискосок было выведено ровным неторопливым почерком: “Самому смелому воину. Анастасия”.

– Моя Настенька... Ребята присудили её мне.

– Вы лично знакомы?

– Нет... Но она мне будто родная... Знаете, ведь я разведчик... Бывало, к немчуре в тылы... все сдаю командиру: документы, медали, а карточку с собой... Взгляну на Настеньку и... легче становится... А наши артиллеристы... так у некоторых на щитах орудийных... карточки девушек наклеены... Однажды 23 немецких танка

на дивизион полезли... А ребята поклялись перед девушками... И не пропустили...

Он умоляюще посмотрел на сестру.

– Пошлите на фронт... свою фотокарточку... Напишите: “Самому отважному”... Полевая почта направит ваше письмо в какую-нибудь часть... – и перестал дышать» [5, С. 447-448].

Медсестра Ирина пишет письмо:

«Я не знаю тебя, отважный воин, но чувствую в тебе брата. Ты, защищающий нашу любимую Отчизну от фашистской чумы, самый родной для меня человек. Присылаю тебе свою фотокарточку и хочу переписываться с тобой. Я работаю в госпитале старшей сестрой... Пусть наша любовь согревает вас, доблестных воинов... Ирина». Письмо с фотокарточкой, на обороте которой написано “Самому отважному воину” попадает к лётчику. Его самолёт сбивают, лётчик попадает к партизанам, и он им объясняет: «У фронтовиков такой закон: если поступит в часть подобное письмо, его вручают тому, кому всем коллективом присудят. Вот мне и присудили» [5, С. 450-451, 475]. От партизан лётчик попадает в госпиталь, где он встречается с медсестрой Ириной, написавшей это письмо.

Да, сюжет в пересказе выглядит слишком «балладно», но даже если сюжет «сгущён» или даже «досочинён», он всё же либо указывает на действительно имевшие место события, либо фиксирует сложившееся в массовом сознании тех лет убеждение в действительности подобного рода событий. Пусть мы имеем дело с произведением художественным, но роман написан с отчетливой реалистической установкой на «отражение жизни в формах самой жизни». Кроме того, каждая книга о Великой Отечественной войне при подготовке к печати получала санкцию Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Если бы в книге имелись неправдоподобные реалии, они были бы устранены из текста.

Важно отметить, что сам факт того, что девушки сами начинали переписку с лицами мужского пола оценивался как явление исключительное, вызванное условиями войны. В романе В. Кожевникова «Особое подразделение» героиня, сама служившая в боевых частях, отказывается брать адрес у офицера для написания ему письма, так как этот офицер едет с фронта в тыл и в тылу будет уже гражданским.

Итак, в вагоне с фронта возвращаются бойцы и командиры, «демобилизированные после госпиталя или вызванные с фронта на работу по гражданским специальностям». Сержант Люда Густова беседует со сталеваром, на фронте подучившем звание старший лейтенант.

«На кителе сталеvara была Золотая Звезда Героя...

– Я в артиллерии служила.

– Какой же у вас калибр?

– Сначала тридцать семь, а потом семьдесят шесть.

– Это уже ничего, хотя против моих гаубиц – игрушки.

– Ну да, – заносчиво сказала Люда. – Зато вам воевать легче было: от переднего края подальше.

– Ты вот что, сержантша, – зловеще произнес сталевар. – С офицером разговариваешь.

Люда вытянулась:

– Виновата, товарищ старший лейтенант.

Сталевар помолчал, вздохнул...

– А глаза у тебя запоминающиеся, может, адресок мой запишешь?

Люда сказала рассудительно:

– Это только незнакомым бойцам на фронт девушки письма пишут, я сама от одной получила. “Товарищ незнакомый, но дорогой мне боец”.

Гражданским девушки просто так не пишут» [7].

Практика написания писем военнослужащим перешла и в мирный быт. В повести Владимира Войновича «Путем взаимной переписки», написанной в 1968 году, читаем: «В... авиационный истребительный полк пришло письмо. На конверте, после названия города и номера части, значилось: “Первому попавшему”... Почтальон... передал его... Ивану Алтыннику, любителю “заочной” переписки... Письмо было коротким. Некая Людмила, фельдшер со станции Кирзавод, предлагает неизвестному адресату “взаимную переписку с целью дальнейшего личного знакомства”. В конверт была вложена фотография... Алтынник... разглядел на ней девушку лет двадцати-двадцати двух с косичками... Письмо Алтынник положил в... ящик, где у него хранилось несметное количество писем от всех заочниц (числом около сотни)» [3, С. 79].

О массовости практики направления писем в армию девушками в 1960-е годы свидетельствует вышедший в 1971 году на экраны страны фильм «Семь невест ефрейтора Збруева» (автор сценария – В.И. Валуцкий).

Сохранилась эта практика и в 1980-е годы. Из дневника учащейся Шадринского финансового техникума: «17.02.1989. Сегодня, на уроке обществоведения, я решила завести дневник. Причиной этого стало вчерашнее письмо. 3 февраля я писала «счастливому солдату» по адресу: Хабаровский край, Вяземский р-н, с. Шереметево, в/ч... и вчера (16 февраля) мне пришел ответ. Я была от радости на 10-м небе. Это ответ на мое первое письмо, в котором я писала: “Привет из Шадринска! Здравствуй, счастливый солдат! Пишет тебе одна девушка из Шадринского финансового техникума. Во-первых, сообщаю, что меня зовут Светлана. Мой возраст 16 лет. Учусь в финансовом техникуме, на отделении “Бюджетный учет”, живу в общежитии. Мои увлечения – слушать рок-музыку и оформлять что-либо. Внешность у меня привлекательная (так считают мои подруги и друзья). Друзей и подруг у меня много, но мне нужен такой друг, которого могла бы я ждать и любить. Жду письма твоего, счастливый солдат счастливый солдат... До свидания.

Светлана. Мой адрес... P.S. Обещаю, что следующие письма будут интересней, содержательней. Счастливый солдат, вышли, пожалуйста, свое фото...».

Не исчезла эта практика и в 1990-е годы. Вот что читаем в письме, направленном в город Кяхта: «Здравствуй, Анюта! Получила твоё письмо и села отвечать... Я вот, делать нечѐ было, попросила у Гальки адрес – ей там один из армии пишет. Ну вот, я у неё взяла адрес, а где написано “кому”, написала “счастливому солдату”. Там в часть придѐт, – кто-нибудь, кто захочет, ответит. У нас девочки многие так пишут. И вот на днях пришло письмо оттуда. Вадим какой-то написал, теперь переписываюсь... Пиши. Целую. Наталья. 6.02.1997 г. Обед. 1.00»

29-летняя девушка из Шатровского района Курганской области в 2001 году поведала следующее: «У подруги пришел из армии брат. Он рассказал, что им в часть приходило письмо счастливому солдату, и так у них завязалась переписка с девушками. Однажды мы сидели и болтали, и кому-то из моих подруг пришла в голову мысль скрасить службу солдатам. Все, конечно, с этим были согласны. Тут же достали ручку, тетрадь. Взяли адрес части, в которой служил брат подруги, Решили письмо написать все вместе. Письмо было такого содержания: “Здравствуй,

счастливый незнакомец! Пишет тебе девочка по имени... Мне... лет. Буду очень рада получить от тебя письмо!” На конверте писали адрес: “Москва, в/ч ... Счастливому солдату”. Так у нас завязалась переписка со счастливыми солдатами. Письма с ответом приходили. Было приятно получать письмо и писать. Мне солдат выслал даже свою фотографию. Моим подругам тоже приходили письма».

Итак, в статье мы попытались зафиксировать как особое явление массовую практику периода Великой Отечественной войны – отpravку девушками писем в армию условному адресату в расчѐте на завязывание знакомства. После окончания войны отправка писем в армию стала массовой коммуникативной практикой мирного времени, просуществовавшей не менее полувека.

Итак, проведенное исследование показало, что традиция отправки девушкам писем в армию с указанием условного адресата в расчѐте на завязывание знакомства существует более полувека – с 1940-х по 1990-е годы.

Было бы интересно продолжить поиски и постараться узнать, существовала ли подобная эпистолярная практика во второй половине 1930-х годов, или ещё раньше – в период русско-германской (1914-1917 гг.) или даже русско-японской (1904-1905 гг.) войн.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вармут, В. Подарок / В. Вармут. – Текст : непосредственный // Крокодил. – 1942. – № 8.
2. Васильев, С. Подарок / С. Васильев. – Текст : непосредственный // Крокодил. – 1942. – № 7.
3. Войнович, В. Хочу быть честным : повести / В. Войнович. – Москва, 1990. – Текст : непосредственный.
4. Гаев, И.М. Шадринские школы / И. М. Гаев. – Текст : непосредственный // Шадринск военной поры / сост. С.Б. Борисов. – Шадринск, 1995. – Кн. 2. – С. 39–47.
5. Дюбин, В. Анка : роман-трилогия / В. Дюбин. – Кишинев, 1965. – 742 с. – Текст : непосредственный.
6. Катаев, В. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10 / Валентин Катаев. – Москва : Художественная литература, 1986. – 711 с. – Текст : непосредственный.
7. Кожевников, В. Особое подразделение : повести / Вадим Кожевников. – Москва : Художественная литература, 1970. – Текст : непосредственный.
8. Смирнов, С. Письмо / Сергей Смирнов. – Текст : непосредственный // Крокодил. – 1942. – № 27.
9. Щипачев, С. Карточка, вложенная в посылку / Степан Щипачев. – Текст : непосредственный // Огонек. – 1943. – № 14 (10 апр.).

REFERENCES

1. Varmut V. Podarok [Present]. *Krokodil [Crocodile]*, 1942, no. 8.
2. Vasil'ev S. Podarok [Present]. *Krokodil [Crocodile]*, 1942, no. 7.
3. Vojnovich V. Hocho byt' chestnym: povesti [I want to be honest]. Moscow, 1990.
4. Gaev I.M. Shadrinskije shkoly [Shadrinsk schools]. Borisov S.B. (ed.) *Shadrinsk voennoj поры [Wartime Shadrinsk. Book 2]*. Shadrinsk, 1995, pp. 39–47.
5. Djubin V. Anka: roman-trilogija [Anka]. Kishinev, 1965. 742 p.
6. Kataev V. Sbranie sochinenij: v 10-ti t. T. 10 [Works in 10 Volumes. Vol. 10]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1986. 711 p.
8. Kozhevnikov V. Osoboe podrazdelenie: povesti [Special subdivision]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1970.
9. Smirnov S. Pis'mo [Letter]. *Krokodil [Crocodile]*, 1942, no. 27.
10. Shhipachev S. Kartochka, vlozhennaja v posylku [Caed put in the parcel]. *Ogonek [Light]*, 1943, no. 14 (10 apr.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

С.Б. Борисов, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: sbsborisov@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2726-0446.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

S.B. Borisov, Doctor of Cultural Studies, Leading Researcher, Department of Philology and Socio-Humanitarian Disciplines, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: sbsborisov@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2726-0446.